

сбо

*Ей выпал театральный фант,
В жизнь воплотив ее мечту,
Галина — истинный талант,
Помноженный на красоту.*

На снимке Виктора Дианова актриса
областного театра кукол
Заслуженная артистка России,
Галина Борисовна БАХОЛДИНА.

НОВОЕ ИМЯ

*Маруся
Белоногова*

И СТИХИ, КАК РОКОТОК

Блок — звенящая стрела.
Блок — мохнатая пчела.

Михаилу Вишнякову

Вы такой большой и смелый.
Я же семечко-орех.
Я приду к Вам в кофте белой?
Не поднимите на смех?

Вы, как август, зрелость лета,
я — зеленые луга...

№ 1 (45)

Литературно-художественный журнал

ДАЧНЫЙ

Наши дачи, моя и Юрина, стояли друг от друга через дорогу. Я построил свою засыпную из горбыля, с односкатной крышей, он возвел свою из толстых лиственниц. Собственно, не сам строил, купил дом в каком-то умирающем селе, перевез сюда. Он был красавцем по сравнению с моей золушкой. Но по дурацким законам того времени — по хрущевским, нельзя строить такие дома на дачах. Кто-то из умных посоветовал: обей дом фанерой, эта бу-тафория спасет тебя.

Юра так и сделал, законники отлипли — у них не было указаний о фанерных домах.

Огород у Юры был больше моего, ухоженный, уваженный, без травки-соринки. Все делала его молодая жена, любительница чистоты и порядка. Сам Юра, спонтанный строитель, превзошел сам себя: построил две теплицы на каменных фундаментах — под огурцы и помидоры, прибавил еще одну — под перцы. Поливная система на его участке походила на вены в человеческом организме. Каждая грядка орошалась по потребности, малина, смородина в любое время испытывали приятную сырость.

Беглым взглядом можно было определить, какие мы хозяева. Я не завидовал ему, потому что у нас были разные жизни, разное

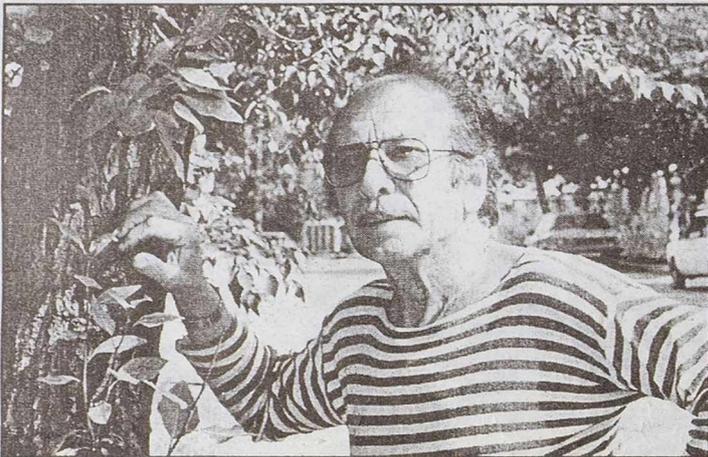
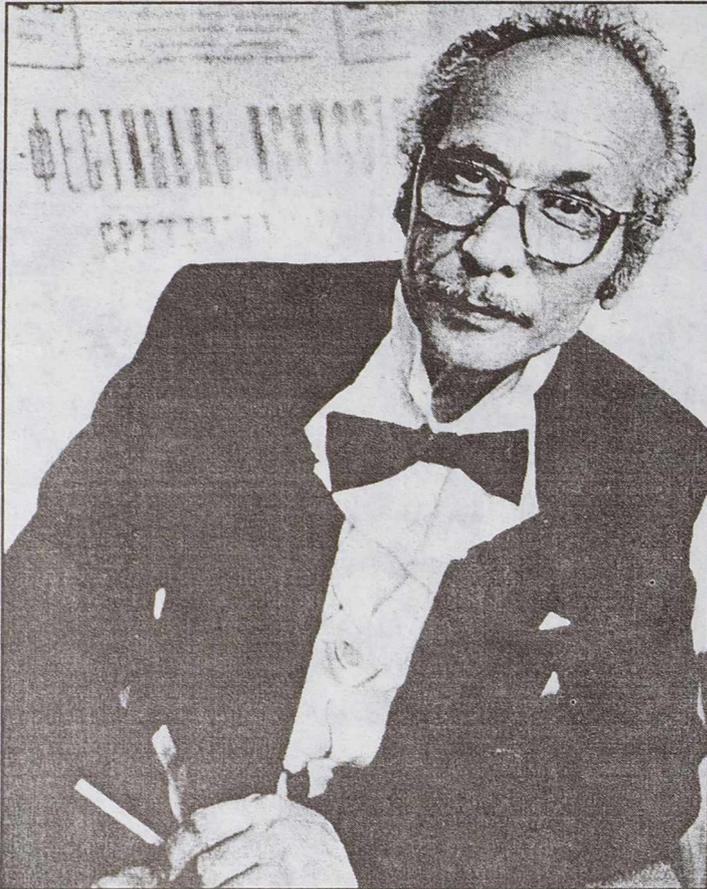
отношение за хозяйские дела.

Юра не имел соседей, бледно-голубой устойчивый отзывчивый, он даже не боролся с ним, а без всякого чувства. Я не

Мы ходили свои и Иркутское, он — по столько тысяч и ром, потер на хвосте.

Мы проласть как услышал п — Кома моим дви Это был ствию. Я в миновал ж

ВАСИЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВОЛКОВУ 70 ЛЕТ

Мелодиями песен Василия Николаевича открывают свои программы Читинское телевидение и информационный утренний блок областного радио.

Без сомнения и лести Василия Волкова знает всякий. Нет района, да что там района, селения, где бы не бывал наш славный юбиляр.

Он коммуникабелен и остроумен, любвеобилен и прагматичен, душевно щедр и по-детски любознателен, артистичен и простодушно доверчив, незлобив и обеспеченно беспечен...

Но главное достоинство Василия — талант. В нем счастливо совпали талант музыканта, божий дар композитора, виртуозное владение инструментом.

Талант, известно, как деньги — они или есть или их нет. Василий Николаевич успешно сочетает в гармонии обе ипостаси.

Счастливым человеком, счастливо состоявшейся судьбы! Здоровья тебе, Вася! Ну и всего, что пожелаешь себе.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Тысячи метров отснятой киноплёнки, сотни кассет видеосюжетов-таков количественный итог творческой работы кино и телеоператора Владимира Лукашкина. Его судьба видеохудожника, искусного и талантливое постановщика кадра началась в то далекое знаменательное время, когда на самой верхней точке Бутинской просеки встал главный корпус самой большой на востоке страны студии телевизионного вещания.

Володя не мыслим без читинского телевидения, как телевидение — без мастера Лукашкина, поскольку оператор — ключевая фигура в сложном коллективном искусстве тиви.

А его неумная энергия, фонтан жизненного оптимизма и текста, широчайший круг знакомств, знание всего и вся делают нашего юбилейного героя просто подарком судьбы для читинской студии телевидения.

*С уважением без лести и фимиамов,
но с пиететом — редколлегия газеты "ЧП".*

ВЛАДИМИРУ ДМИТРИЕ

(Начало на стр. 1.)

одного — жена рядом, у другого — вот-вот прибудет. Гуляй, казак, да оглядывайся.

Обратно я шел не той деловой походкой — более расслабленной. Тяжелей ступали ноги, подбирались качка. Выпили изрядно, закусывали мало. И надо же! Не во время оторвалась жена от грядки, стрельнула любопытным глазом.

— Что-то, родимый, глазки у тебя заблестели? С чего бы?

— Что ты, мать, — я нагло пялил глаза на жену, старался дышать в нос. — Юра смешные истории рассказывал. А неисправность

— Лучше смерть, командир, — сказал он мне при очередной выпивке.

Я понял его и — огорчился.

— Больше, Юра, я с тобой не пью. И тебе не советую, при твоей работе. Можно перепутать маршруты, время. И вот тебе очеред-

— Ты тоже мямля! — Мать повернулась к Татьяне. — Сорную траву с поля вон! Я так решила и так будет!

— Но мама!..

Последних слов Юра не слышал. Так же как и плач малышки-дочери.

нам. А биле

ме.

— Услоко

щал Юра.

Он догов

рейса на Мо

ДАЧНЫЙ СЕЗ

Василий

Ты, Петрович, честно говоря, какой-то не такой стал. На четвертую ночевку в этом году с тобой выезжаем, приглаждаюсь я к тебе и не узнаю. Молчишь все, хмуришься. От зимы не оттаял? С бабой воюешь? Заболел? Что с тобой? Ну-ка, выкладывай как на духу. Отпущение грехов гарантирую.

Василий Сидорович, не избранный и не утвержденный, но безоговорочно-авторитетный бригадир нашей нигде не зарегистрированной рыбацкой троицы-артели, подал Алексею Петровичу чашку с ухой, еще раз оглядел разложенную на куске брезента снедь и хитро, многообещающе улыбаясь вынул из рюкзака солдатскую фляжку.

— За добрый клев. За хорошую погоду!

Поужинав, мы легли на траву, закурили. Спешить некуда. Солнце еще на четверть над горизонтом. До вечерней зорьки далеко. Готовые к действию удочки лежат на рогульках.

— Может, и правда рассказать вам, какая со мной штука произошла, авось на душе полечает, — не поднимая глаз от земли, смущенно, глухо выдохнул Петрович. И не дожидаясь нашего согласия добавил:

— Только смотрите, мужики, никому не слова. Как-никак, мне шестьдесят через год исполнится. А тут такая история — засмеют. Да и до Галины моей дойдет — хоть в лес беги. Больше тридцати лет миром-ладом прожили, трех внучат имеем...

Так вот. Случилось это в октябре прошлого года, а точнее, в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое. Все было как обычно. Поужинали, у телевизора поторчали, спать легли. Сплю я, слава Богу, как сурок, хотя кто знает, как они на самом-то деле эти сурки спят. На правый бок повернувшись — раз, два — и солнце в окно. Ни слов, ни дум.

Да... И в ту октябрьскую ночь спал я крепко. Перед сном ни о чем не думал, ни о чем не вспоминал. Но в полночь вдруг проснулся. Сам этому удивился. Слышу — дождь шелестит. "Мелкий... Значит надолго, — подумал я, — спать надо. В дождь сладко спится..."

И вдруг как бы не речь слышу, а слова ощущаю, что ли, не знаю, как объяснить это, ощущаю и все:

— Не дождь это, Алеша, это я к тебе пришла — Вера...

Открыл я глаза — вижу — на грудь мне серебряные струйки откуда-то из темноты, сверху спускаются. Тяжести нет. Сырости нет. Легкие такие струйки, ласковые — вроде новогоднего елочного серпантина, только еще легче, мягче, невесомее. И я действительно ощущаю, понимаю, что эти дождинки — серебряные серпантинки — она — Вера.

...Учился я в институте. Институт тот можно было назвать женским. На тысячу с лишним студенток приходилось нас, парней, че-

знакомства раз десять, не больше, в институте на вечерах, в кино пару раз сходили.

Один раз меня Вера домой пригласила, с матерью познакомила. Отца, сестренку я не застал.

Посмотрел я на полковничьи хоромы, послушал рассказы Верининой мамы о их даче и сделал вывод — не туда я попал, не в свои сани сажусь...

...Опыт расставаться с девочками имел. Разыграл сцену ревности, изобразил на физиономии гримасу обиды и все.

— Больна Умру скоро. Г — всю жизнь жизнь.

Хотел я ей гас серебряный по чьему-то по Встал утро пригрелись "Под старость ся..."

СЕРЕБРЯНЫЙ Д

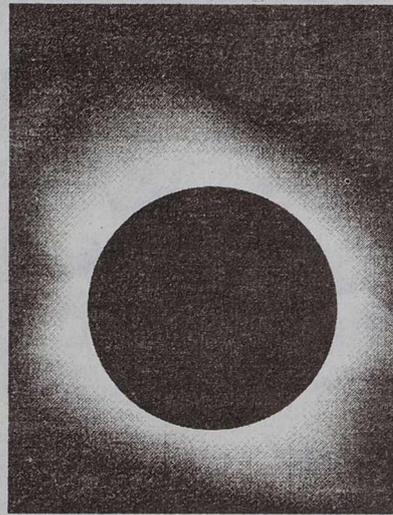
ловек семьдесят. Спрос на нас, сами понимаете, — любую выбирай. Особенно весной. Раскроют тополя почки, пройдет первый дождик — из каждого окна общежития по пять девчонок с тоской на улицу глядят — о суженых-ряженных мечтают, любви ждут...

Парень я был не из робких. Особо не пакостничал, но от девчонок не шарахался. Танцевать умел и любил. На лыжных гонках призы брал. На баяне пяток песен исполнить мог. За собой следил, брюки каждый день гладил, стрелочки ровнял.

Короче говоря, в первых рядах, в авангарде институтских женихов значился. С девчонками сходилась легко и расставался тоже легко. Еще бы — "Девоч много, я один..."

С Верой познакомился в разгар зимы. Морозы стояли такие — не продохнешь, — под сорок. Бегу из общежития в институт, вижу, на тротуаре несколько девчонок стоят, беседуют. Загляделся на них, поскользнулся и чуть одну с ног не сбил, — обнять пришлось. Оглянулась девчонка — глаза голубые-голубые, а на ресницах иней сверкает, тысячи звездочек горят. И тепло из них, из глаз — нежность.

Была она местной, горожанкой. Жила с отцом, матерью и сестренкой на краю города, километрах в десяти от института. На занятия ездила на автобусе и папиной машине. Отец ее полковником был. Именно это меня здорово смущало и настораживало. Я-то вечно-деревенский, и родители мои — рядовые колхозники. Училась Вера на другом факультете. Встречались мы не часто — за два месяца

Несколько раз Вера пыталась со мной встретиться, поговорить — избегал. Написала пару писем — не ответил.

Закончил институт, призвали меня на военную службу. Служил далеко, на Севере. Демобилизовался. Женился...

О Вере вспоминал не часто, не чаще, чем о других своих знакомых женщинах. Так, иногда, вспомнятся глаза голубые-голубые, а на ресницах иней сверкает, тысячи звездочек горят... Но мало ли что всем нам иногда вспоминается...

...И вот — серебряный дождь — Вера: "Это я к тебе пришла", — говорит... И знаете — ни удивления у меня, ни страха.

— Зачем?

Месяц про годом снова ный дождь, и

Проснулся дождинки-сер

— Здравств

— Не надо

Умерла я. Мо кладбище, в ч мер у нее ес тельно приди мной приди. Е жизнь ждала.

Мужик я кр хал. Десяток что повидал.

же после хоро лось. О всяких всегда с усме своей Галины

рвал, на нем д рапал и под об

...Сразу по начальник:

— Надо ва срочное съезди разобраться...

...Как всег

Днем он на

болтаюся. Ве водочкой и па и разговоры, с сокровенном, от друга никак

дцать дружим

бок стоят, если у берега. Вытащат-сеть из-под льда — в каждой ячейке карась.

Юра слушал, поддакивал. Ему было хорошо. Не мелькали перед глазами ни жена, ни теща. Вспоминалась маленькая дочка — ее не мог оторвать от сердца.

— Не женись, командир! — Предупреждал он солдатика. — Бойся тещ, стервоз недорезанных. А дочку жалко, ах, как жалко мне Аленку. Как она без меня. А?

Любо, братцы, любо, Любо, братцы, жить,

С нашим атаманом не приходится тужить!

Юра любил эту разгульную песню, она сливалась с его жизнью, с настроением, ког-

другую сторону. И не знал кого винить: его, себя, спирт? Судьбу, которая загоняла его в угол? Все скатывалось в один клубок, и нельзя было порвать эту тонкую нить. Нельзя в теперешнем его состоянии.

Расстроенный, он сел на крылечко, припоминая все, как было. И вдруг его мозг ослепила мысль, пронзительная, как шлага мушкетера: зачем все это? Какая дача, если он не живет с женой, если теща запрещает видится с дочерью? "Юрка, Юрка, сошел парень, с ума ты!" Мысли его потекли по этому руслу. Он, как бы летел в самолете, не зная куда приземлится. Это был бесконечный полет в бесконечную бездну.

— Давай, Таня, уедем, — он с надеждой посмотрел на нее. — Ты знаешь, у меня в Ки-ренске есть родня. Брошу пить, устроюся на работу в местном аэропорту. А здесь — теща... я не выдержу ее.

— Нет, Юра, не могу уехать, — ей тоже тяжело было говорить. — Потому, что не верю тебе. Здесь не могу справиться, а там одна, без помощи...

— Хорошо, я понимаю... Тогда что ж, прощайте!

Она проводила его со слезами на глазах. Умом и сердцем понимала: видит его в последний раз.

— Хорошо, — Юра лежал ющие небо. — полете.

Я согласил

— Скажи, к Ему явно не х

— Длинный

— Ладно, е твои книги. Ви бе в Маньжур

сателем.

— И алкого

— И алкого

Последне

По лугу рассыпался
На громки.

Летние, разбойные
Грозы беспокойные,
Миг — и снова солнышко
Тешится в лугах.
Лес парит, не движется,
Так вольготно дышится,
Что литовка кажется
Перышком в руках.

*Виктор
Балгоржиев*

Деревня спит, сопят коровы,
Собаки лают на луну,
Как будто волки. Будто снова,
Как будто тыл уснул в войну.

Но вот печные трубы ночью,
Среди сгоревших изб видны.
Какой здесь тыл! Похоже очень,
Не обошлось тут без войны.

Но по каким особым метам
Узнать — враги или свои?
Одно понятно по приметам —
Пока не кончились бои...

Печальны темные лачуги,
Где в каждой ждут еще беду...
Всю ночь шатаются пьянчуги,
Со всеми бедами в ладу.

СОВРЕМЕННОКИ...

Ветер тронул верхушки деревьев высоких
И затих... Между тем миновали века.
И, не вскрикнув, ушли поколения в сроки.
Но все также спокойно плывут облака...

Каждый жил, будто самое важное что-то
Совершится при нем и умрет
вместе с ним...
Современники в Трое открыли ворота,
Нам Гомер — современник
немым и слепым!

Ганнибал жил вчера,
Чингисхан чуть позднее,
Современники — Канны и Калка-река!
Ветер тронул верхушки высоких деревьев
И затих... Между тем миновали века...

*Вячеслав
Вьюнов*

РАЙОННАЯ ГОСТИНИЦА

Соль
Или спички,
Или же иголку.

ПРИЗНАНИЕ

Сквозь березняк, уже раздетый,
Лучи летают вкривь и вкось.
Люблю прозрачные предметы,
Когда навывлет все,
Насквозь!

Могу смотреть в упор и долго,
Чтоб не вспугнуть, едва дыша,
Как изнывает от восторга
Предмета тонкая душа.

Люблю прозрачные предметы:
Цветы, деревья, поезда,
Люблю ответы, как рассветы,
Люблю вопросы, как вода.

Люблю огонь, который жжется.
Когда я вижу, то молчу,
ладони женские — на солнце
Иль — на горящую свечу.

Люблю прозрачные предметы.
В лесу, куда ни кинешь взгляд,
Синицы с крыльями из света
Подолгу в воздухе висят.

Люблю следить за стружкой дыма,
Когда рождается костер,
Прозрачный,
Еле уловимый
Вдвоем под вечер разговор.

Резец, под пальцем ставший гладким,
Когда он сильно истончен,
Кирпич тысячулетней кладки
И прах, бывавший кирпичом.

А что до формы их непрочной,
То присмотришься и не спеши:
Она всего лишь оболочка,
Всего лишь тело без души.

Весь год из ничего — из жеста,
Из незаметного мазка
Росла без адреса, без места
Невоплощенная тоска.

И воплотилась как-то сразу
В последних числах декабря
В случайно купленную вазу
Из хрусталя и серебра.

А все дышало Новым годом.
И мандариновый накал
К шампанскому и хороводу
Людей настойчиво толкал.

Спешили взрослые с кульками,
Давали что-то на углу,
Хвою давили каблукками

*Михаил
Вишняков*

Верховья студеной Нерчи.
Здоровье и совесть в порядке.
При свете последней свечи
пишу торопливо и кратко.
Под бездной сверкающих звезд,
пылающих к ясной погоде,
к морозу — крепчает мороз,
крещенские ночи приходят.
Так тихо, кричи иль молчи,
лишь наледь, как пушка, стреляет,
да жар от чугунной печи
смолу с потолка выплавляет.
Я малым здесь был и большим,
знал хиус и утренник зимний.
Мне страшно от этих вершин,
страшнее — спускаться в низину.
Рюкзак упакован, пора.
Я с небом и веком простился.
Презрительно блещет гора:
и ты, наш поэт, опустился.

МЕЧТАНИЯ О РАЕ

В общем-то, не претендуя на рай,
чаще и чаще мечтаю о рае:
солнце, лужайка — лежи, загорай,
слушай, как ласточки в небе играют.

Всем здесь простили земные грехи,
не разделяя на расы и нации.
Каждый поэт, написавший стихи,
может рассчитывать на публикации.

В каждом окошке приветливый свет,
в каждом колодце вода ключевая.
Выборов в Думу здесь попросту нет,
водки некачественной не бывает.

К Богу в приемную вхож и народ,
злогошного доброго нет у порога

Николай Савостин

Почему “Сибирский молдаванин”? Да потому он сам так назвал себя: почти двадцать лет назад прислал мне свою книгу “Далече северной столицы” — о Пушкине в Молдавии, изданную в Иркутске с надписью на титульном листе: “Колле Савостину, молдавскому сибиряку, от Юрки Богача, сибирского молдаванина — Г. Богач. 20. 1.1980”.

Господи, тут в наше время у себя в республике да про молдавские дела книгу издать невозможно, а в те времена молдавский ученый выпускает любовно оформленную книгу... в Иркутске, почти за семь тысяч километров от родного дома!.. Да уж нечего вздыхать. Поспешу сказать, что эта книга, пожалуй, лучшая работа о великом поэте периода его пребывания в Кишиневе. Богач нашел столько тонкостей молдавского быта и фольклора, отразившихся и в произведениях молдавского периода, и если хотите, в формировании характера в сущности юного в то время Пушкина, и рассказал об этом таким живым языком, что трудно переоценить этот труд, к сожалению не получивший должного внимания критики и общественности. У нас начальство и общественное мнение очень легко поддаются действию саморекламы бойких авторов и вообще рекламе хорошо сплоченной и агрессивной посредственности. В результате — на слуху серые книжки компилятивного свойства, а работы, подобные исследованиям Георгия Богача оказываются полузабытыми. Очень рекомендую всем, кто всерьез интересуется творчеством Александра Сергеевича, книгу Богача “Далече северной столицы”. Правда, она теперь сделалась библиографической редкостью...

Георгий Богач был один из самых обаятельных кишиневцев. В шестидесятые годы его, видного ученого, шефа секции фольклористики Института языка и литературы Молдавской Академии наук часто по вечерам можно было встретить

да доставлял воду, завернул к стоящему неподалеку одинокому домику с пасекой: разжиться медку. С ним был напарник-украинец, — одному наполнить бочку было не просто.

Почему Богач, имея высшее образование (он закончил Ясский университет), оказался в армии рядовым, да еще в хозяйственном подразделении в качестве водовоза? Да потому что у него было “позорное” пятно в биографии — он сын попа! А вдобавок — происходил из недавно присоединенных к СССР мест, из Прикарпатья. Куда же его с таким происхождением?! Ведь долгое время в стране к бесарабцам было особо подозрительное отношение. Андрей Лупан не раз мне рассказывал, как в первый год войны, он, мобилизованный в армию, будучи уже видным деятелем, имея за плечами и высшее образование, и стаж коммуниста-подпольщика, был зачислен в строительный батальон рядовым бойцом-землекопом и копал оборонительные сооружения под Сталинградом. Оружия таким не доверяли. Но это — к слову...

С пасечником, у которого водовозы для начала попросили напиток (это — подъехав с целой бочкой воды!), они потом завязали разговор о погоде, об урожае. Ста-

Георгия Федосеевича в числе встречавших меня, я первым делом поинтересовался: “Ну как тут насчет пасеки, мне бы мэду?”

Встречающие переглянулись в недоумении, а мы с Богачем рассмеялись, обнялись. В гостинице мы просидели в разговорах до утра, остальным моим иркутским друзьям наши воспоминания тоже были интересны. Он в 1971 году, как говорится, что-то не поделив с директором института Семенов Чиботару, обиделся на все руко-

дом, это был танного теста. У нас поры нельзя. У нас го без особы. У нас рых писатели. У нас ли давным-д. У нас вез с собой, У нас употребленн. У нас после моего. У нас чер доктор и. У нас лестная мол. У нас рала нам на. У нас вена, Глинку.

СИБИРСКИ МОЛДАВАНИ

водство, внезапно оставил Кишинев, перебрался в Иркутск, где сделался доцентом пединститута имени Хо Ши Мина. Причем, стал заправским сибиряком, любимцем студентов, местных писателей, актеров, музыкантов. Когда мы встретились в Иркутске, он жил уже несколько лет один, жена уехала работать на Кубу. Поэтому в облике его была заметна холостяцкая запущенность: рубашка не отличалась белизной, на воротнике не хватало пуговицы, брюки давно не соприкасались с утюгом... Тем не менее, он был как всегда весел, острит. Иркутяне восхищались его эрудицией, знанием языков. Один из наших с ним друзей с воодушевлением рассказывал, обращаясь ко мне: “Знаешь, прошлой осенью к нам приехал председатель Румынского Союза писателей, мы его возили на Байкал, в таежные места, ему так нравилось! Так Георгий Федосеевич свободно говорил с ним по-румынски! Оба понимали друг друга, переводчика не надо...” Мне оставалось только улыбаться, не читать же ему лекцию о близости языков молдаван и румын. Хотя мне, сибиряку, было приятно, что крупному румынскому писателю очень понравилась Сибирь: мне показывали присланную из Бу-

загрустил. М. приезд напо. Молдову, обо. во в далеком. прекрасном к. нечно, окружа. любил его, з. без семьи, в. стве, оторван. боты, от родн.

На другой д. пошли искать. (до сих помн. те в подвале. ка, где я жил, дождевном. начале марта. Сколько раз б. кутске, все н. время, чтобы. уголок, где м. ли, и, чтобы. ченеть, по н. ные заборы д. ной печи, кот. директор учи. прозвищу Ку. щили, запряг. сани, с окра. (есть там така. от города из. ем заводской. домик, он пок. вале теперь б. хозяйна, чтоб.

Вечное Синее Небо и Мать-Земля не жалеют красок и богатств для всех живых существ, если они не вредят им. Повсюду живут и переливаются цвета, зеленое смешивается с голубым и переходит в синее, желтое, красное, черное теряется в белом и неожиданно опять проступает в серебряном и золотом. Буйно спе-

их уважали и почитали, собравшись, они никогда не могли принять самостоятельного решения, а, открыв рты, не говорили дельных слов. Но сколько было спеси и зазнайств... Некоторые сородичи тайком гоняли скот через Урхэн и привозили товары. А остальные? Все реже можно было увидеть крытые разноцветной материей халаты и шубы, новые кушаки, мало стало железных вещей, серебряных и золотых украше-

стали съезжаться люди. Вода снимала усталость и придавала бодрость на много месяцев, человек обновлялся. Появились шаманы, зазвенели бубенцы, загремели бубны. Шаманы с помощниками-исунгутами лазили по скалам, собирали мышинный помет густо коричневого цвета, варили его в котлах, смешивали с березовой чагой, а то и просто кипяченной водой. Чудодейственный помет белых горных мышей быстро залечивал раны, останавливал внутреннее кровотечение, поднимал на ноги умирающих.

вия-тах
той кор
ках, из
птиц, в
носили
нов-хра
круг ко
После у
звали
Шумн
весь кра
глубоко
охал, ра
пятьдес
был уви
корпус
мощн
ся, н
залю
любо

НА АЛХАНАЕ ВОЛШЕБНАЯ

ет в тайге ягода — брусника, смородина, голубика, стелется кедровый стланик. Только опытный и острый глаз заметит на деревьях дятла, белку, мелькнувшего соболя, иногда неслышно пробежит косуля, затрещит в чаще изюбр, услышав шум, насторожится в малиннике медведица с медвежатами. Всюду шумят ручьи и со всех сторон нависают огромные скалы.

Бабжи-Барас проехал под сводами Каменных Ворот, за ним ехали верный сотник Баир и два десятка воинов, попереки седла одного из них лежала туша убитой косули. Под копытами коней шуршали и позванивали глухо камни, вокруг в туманной голубой дымке дремала и тихо колыхалась тайга, убаюканная теплыми лучами солнца.

— Спустимся вниз! Там сварим мясо и передохнем, — повернулся к возмужавшему и расплывшему сотнику Бабжи-Барас и твердой рукой направил мускулистого вороного жеребца с белой звездой на лбу по узкой лесной тропинке

Постарел Бабжи-Барас, грубое вытянутое лицо его навсегда попало в сети морщин... Хитрые старейшины и сородичи богатели, размножали скот и овец, а потому решили, что Бабжи-Барас с воинами должны пожизненно защищать курени и айлы от врагов, каждый род обязался выделять мужчин для службы. Так отделились спесивые старейшины и богатеи, а служить отправляли детей бедняков и сирот... Тумэты больше не появлялись, улус их распался под ударами чахаров, но и чахары долго не продержались. Города и кочевья всех монголов лежали в руинах. Много ханов от Гоби, Джунгарии и до Ара Халхи воевали друг с другом. Каждый хотел возвеличить свой улус и объединить монголов, никто и никому не желал уступать такого права, считая достойными только себя и свой народ.

ний, колчанов и сабель, не было латуни и бронзы для стремян, чепраков, седел. Простейшие вещи становились драгоценной редкостью! Торговцы боялись ходить к хори-тумэтам, хори-тумэты страшились выехать за Онон. Чем труднее становилось жить, тем скупее становились люди! Многие оставляли курени, жили айлами, смешивались с хамниганями. Шаман Бургэт когда-то говорил, что в тяжкие времена люди должны становиться дружнее, иначе им не выжить! Хори-тумэты кочевали повсюду в поисках лучшей жизни — от Онона до Телембы, Еравны, Хори и Байкала. Оттуда некоторые умельцы стали привозить железо, в курене нагасы работали кузнецы, говорили, что шаманы нашли в горах железо и серебро.

Не всех могли объехать караулы Бабжи-Бараса. В эти дни они ходили до озера Арахлей, побывали на берегах Хилка и Энгэды. Скота и овец с каждым годом становилось больше.

Вот здесь и остановимся! — радостно вздохнул военачальник, грузно слезая с коня у старой сосны. Он отдал повод молоденькому воину и зашагал к шумящей в камнях воде, снимая легкий кожаный шлем и оружие.

Это была овальная каменная котловина в тайге. Вода шумела неумолчно. Она падала по скалам и валунам с высоты, останавливалась в больших выбоинах и ложбинах и снова обрушивалась вниз, прозрачная и ледяная. В любое время года вода здесь не замерзала. Каменные плиты и огромные валуны были разбросаны по всему руслу, поверхность многих покрылась толстым слоем мха. Сверху нависали причудливые серые и красноватые скалы. По склонам котловины, круто взбегая

Это была священная земля! Но люди говорили, что гора таит в себе много опасностей и тайн. Рассказывали, что в глубокой древности один охотник,

ВО

выслеживая изюбря, вдруг замер, парализованный какой-то непонятной силой, и стал неподвижен, как камень. Охотник увидел, что между деревьями ползла огромная пятнистая змея с желто-зелеными отливами и неподвижными злыми точками глаз. Потом это

том, что
ных лю
благод
вам, что
согласи
мысли Б
как и по
Кос

Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 2001 год

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34